

АРХІВ ІСТОРІЯ СУЧASNІСТЬ

ББК 63.3 (4УКР) 51-294

А 91

УДК 974. 74-25

Основу збірки «Архів. Документ. Історія. Сучасність» складають доповіді, зроблені на Першій Міжнародній конференції з архівної справи, що відбулась в Одесі у вересні 2000 р. і була присвячена 80-річчю заснування ДАОО. Це видання є четвертим томом серії «Презент Державного архіву Одеської області». В ньому опубліковані матеріали дослідження численних учасників цього наукового форуму, які відображають сучасний стан розвитку історичної науки в Україні. Підведенням статей має практичне значення, бо вони присвячені розробці питань розбудови архівної справи в умовах різного рівня та підпорядкування, а також методичним і теоретичним проблемам архівотворства.

Видання призначено історикам, архівістам, краєзнавцям, енциклопедистам, аспірантам, студентам історичних факультетів, усім зацікавленим історією та архівознавством.

Відповідальний редактор: д. і. н. І. Б. Матвієв

Наукові редактори: к. і. н. І. В. Слюзарік, к. і. н. Т. М. Попова, Л. Г. Белоусова

Відповідальний за випуск: В. В. Харковсько

Рецензенти: д. і. н. Л. А. Дубровина, д. і. н. І. Н. Войцковська

Рекомендовано до друку науково-методичною Експертною радою Державного архіву
Одеської області 14. 05. 2001 р.

Архів. Документ. Історія. Сучасність:

А 91   Збірка наукових статей та матеріалів/ Праці Державного архіву Одеської області –
Том IV. / Архів Одеської області Державного комітету архівів України. – Одеса: Друк.
2001. – 381 с. Укр. та рос. мовами.
ISBN 966-7934-91-8

ISBN 966-7934-91-8

© Державний архів Одеської області, 2001

1. Стати вічного міра з Господарством Кримським Княжества Відольского Київського, Чернігівського і всього Войска Запорозького Городового-и народу Малоросійського, літа 1692 має 26 днів /К. Отлобіані О. Лагодів П. Іваненка (Петрука) з Кримом в Юїлійний збірник на поезію академіка Д. І. Багалія, - К., 1927. - С. 720-744.
2. Центральний державний історичний архів України, Київ (ЦДІА України). - Ф. 51. - Оп. 3. - Спр. 301. - Арк. 1-5.
3. Російський державний архів давніх актів (РДДА). - Ф. 123. - Оп. 1. - Спр. 11, 15, 17.
4. РДДА. - Ф. 129. - Оп. 2. - Спр. 66. - Арк. 164-171.
5. Там само. - Арк. 166-179.
6. Там само. - Спр. 62. - Арк. 203-211.
7. Російський державний архів Військово-Морського Флоту (РДВМФ). - Ф. 223. - Оп. 1. - Спр. 12, 14, 74.

Е. В. ПОЛЕВЩИКОВА, А. И. ТРЕТЬЯК

ПІСЬМА ПОЛКОВНИКА СТЕМПКОВСКОГО ГЕНЕРАЛУ РОШЕШУАРУ

В Паризькому Національному Архіві Франції, храняться удивительные по своему содержанию письма, которые писались преимущественно из Одессы в 20-х гг. XIX столетия бывшим адъютантом герцога Ришелье полковником Стемповским своему другу, военному коменданту Парижа генералу Рошешуару, некогда занимавшего в период своего пребывания в Одессе также должность адъютанта герцога Ришелье.

Трудно сказать, что облило этих двух совершенно истиховых по своему характеру и жизненным целям людей. Разумеется, здесь была искренняя любовь и почитание личности Ришелье, а затем уважение к светлой его памяти. Но вероятно также, что это тот случай, когда крайности смыкаются, как бы дополняя и обогащая друг друга.

Рассудительный, лаконичный, сдержанный в своих суждениях и речах Стемповский, ставший родоначальником научных археологических изысканий на Юге и изучения античной истории Северного Причерноморья, явил собой пример того, как самообразование и природный ум принесли мелкопоместному дворянину, с весьма скромными перспективами прохождения по службе лестнице общеевропейскую известность в научном мире, вклад в науку которого не достоинству оценивается и через десятилетия. Веселый балагур, склонный к экзотическим шуткам и авантюрам граф Рошешуар, напротив, родился в одной из самых блестящих дворянских семей Франции, что сулило ему великолепные перспективы в изначально выбранной им для себя карьере военного и тогда, когда фортуна привела его на русскую службу в шестидесятилетнем возрасте, и тогда, когда он в 1815 г. возвращался вслед за Ришелье во Францию в период Реставрации.

Но одно можно утверждать с совершенной точностью – двух этих разных и неподобных людей объединила искренняя любовь к Одессе, свидетелями и участниками начального пути к профessionии которой они стали в свои юные годы. Уже изначально в этом городе было заточено нечто такое, что трудно поддается бытовому объяснению. Достаточно было прожить человеку хотя бы несколько лет, а то и месяцев, в Одессе, чтобы он никогда нечувствовал себя оторванным к жизни этого города, почитая себя одесситом, как бы далеко судьба ни разъединяла его в пространстве и во времени с Южной Пальмирой на берегу Чёрного моря. Примечательного поразительного свойства Одессы содействовать сердцами и чувствами людей можно приносить тысячи, исключением – буквально единицы.

Пожалуй, это и есть одно из объяснений, почему те французы, которые некоторое время жили в Одессе, а затем по различным причинам вынуждены были ее покинуть, до конца своих дней чувствовали оструюnostальгию по одесскому укладу жизни, по одесским улицам, морю, городскому театрту, и, главное, по той атмосфере миролюбивого созидательного начала, на которой показалась неповторимость Одессы. Одним из таких французов и был генерал Рошешуар, до конца дней своих мечтавший еще хоть раз побывать в городе своей юности. Но, не имея подобной возможности, граф страстно впитывал в себя любую информацию об Одессе. Вот почему он просит даже требует от своего друга, полковника Стемпковского как можно больше подробностей об одесской жизни. И надо отметить, что Стемпковский, вопреки своему лаконичному стилю, отошел от своего обыкновения, посыпая другу в Париж подробные описание жизни Одессы того периода.

Иван Алексеевич Стемпковский родился в 1789 г. в Саратовской губернии, где получила начальное образование, что и позволило ему поступить на военную службу в нижних офицерских чинах. Стремление к знаниям, личная скромность и естественность поведения привлекли в 1808 г. внимание герцога Ришелье к молодому офицеру при инспекции дивизии, в которой тот проходил службу. Новороссийский генерал-губернатор предложил Стемпковскому стать его адъютантом, и, надо сказать, что Ришелье при его удивительном чутье избрал талантливых и способных не ошибся. Стемпковский не раз имел возможность дать этому вскокне доказательства, включая и тот драматический период чумы 1812 г., когда он неотлучно оставался при особе герцога в Одессе. Символично, что после назначения Ришелье премьер-министром Франции Стемпковский попал в эту страну в составе русского оккупационного корпуса под командованием М. С. Воронцова. Последний не менее герцога по достоинству оценил способности Стемпковского, рекомендовав в 1816 г. его произведение в чин штабс-капитана, а в 1818 г. в чин полковника. Пребывание во Франции Иван Алексеевич использовал с максимальной пользой для пополнения своих знаний относительно античной истории Северного Причерноморья. В те времена французская наука являлась наиболее авторитетной в данной области, не говоря уже о том, что все значимые издания по указанному предмету выходили именно во Франции.

Вернувшись в Одессу, Стемпковский сумел рядом своих публикаций привлечь внимание европейских историков к проблемам античного периода Северного Причерноморья, и в первую очередь Боспорского царства. Не случайно, поэтому он был избран членом Парижской Академии надписей, а также так называемого Парижского Азиатского общества.

Следует отметить, что у Стемпковского никогда не прерывалась связь с Ришелье, которого он считал не просто своим благодетелем, но и, так же как и Рошешуар, своим вторым отцом. В 1821 г. герцог подарил Стемпковскому свой дом в Гурзуфе и лачу в Одессе. Подпас Стемпковский передал эту лачу в районе Водяной балки городу и здесь возник знаменитый Джюковский парк. Отметим также тот факт, что именно ему Новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов поручил возглавить комитет по сооружению памятника герцогу Ришелье в Одессе.

Увы, здоровьем Иван Алексеевич не отличался, а потому в 1826 г. вынужден был покинуть военную службу, сосредоточив все свои усилия на науке. Однако в 1828 г. он согласился с постым предложением Воронцова стать градоначальником Керчи, что привнесло ему в 1830 г. титул действительного статского советника.

Скончался Стемпковский от неожиданного обострения чахотки в декабре 1832 г. на 43 году жизни. В его завещании говорилось: «Если умру в Керчи, то желал бы, чтобы покоронили меня на вершине горы Митридата и там устрони часовнико; книги мои засвят Одеською публичною бібліотекою». Завещание было выполнено. Более того, одна из центральных улиц Керчи была названа его именем. Что касается Одессы, то возникшее здесь в 1839 г. Одесское империальное общество истории и древностей, к слову, ставшее в XIX в. весьма авторитетным в мировой науке, отнюдь не случайно почитало Стемпковского одним из своих главных основателей, памятку о заслугах, принадлежавших Ивану Алексеевичу при создании в 1825 г. первых в Российской империи публичных музеев истории и древностей в Керчи и Одессе.

Безпрецедентно несколько слов относительно адресата приводимых ниже писем, хотя говорить о гравитации своей судьбы, жизненным переплетением и неординарности личности вполне можно бесконечно много. В самом деле, этот французский дворянин по необыкновенности приспособована на соперничество с наиболее экстраординарными героями авантюрных романов, ибо выдумать подобную жизнь, пожалуй, вряд ли способен самой изощренный фантазия.

Луи-Виктор-Леон де Рошешуар родился во Франции 14 сентября 1788 г., т. е. меньше чем за полтора года до начала Великой революции. Он был младшим из пяти детей в семье, но суждено ему было пережить трех старших братьев и сестру на много десятков лет. Его мать, графиня Рошешуар, полностью отдалась на его политическим интригам, а потому по шести лет забота о мальчике приближенных Марии-Антуанетты и оставалась перва ей в самые трущие дни, вплоть до изгнания королевы Франции в 1793 году. Уличенная в контрреволюционном заговоре Луи-Виктора выпущена была скрываться под различными вымышленными именами, из-за своей деятельности, направленной против революционного режима, не отреагировала. При подобных обстоятельствах материнская забота о сыновьях (первый и второй сын ее в этом времени уже умерли) была кощунственной, мягко говоря, условной. Луи-Виктор вместе со своим старшим братом измучены были скрываться в самых разнообразных местах. Порой им приходилось бродяжничать, порой неделями отсиживаться в каких-то сараях, страдая от холода и голода. Скитаясь по дорогам Франции, Швейцарии, Германии, нередко они были на волосок от смерти, когда лишь проявленное спасало в самый последний момент. И вдруг удача. Род Рошешуаров был достаточно хорошо известен в Европе, чтобы посчитавшие этого именем остались бы без поддержки. Мадам Рошешуар, используя свою широкие связи, вымоготала необходимые средства и рекомендательные письма для вступления Луи-Виктора в английскую армию, в состав которой был сформирован корпус из французских эмигрантов.

Небывалый случай: в свои 12 лет Рошешуар получает офицерский патент и был принят в действующую армию, перед которой стояла задача начать боевые действия с территории Португалии против Испании. Однако война получилась скоротечной, без выстрела и жертв, и горе потешной, чем кровопролитной. А после Амьенского мира и вовсе отпала надобность в парижском дорогостоящем корпусе французских эмигрантов. Луи-Виктор вновь остался без средств к существованию и, казалось, без живущих перспектив, когда старший брат, Луи, вышел в 1804 г. в Одессу, где тот уже служил при особе герцога Ришелье. Вот этот год и стал прелестным в судьбе пятнадцатилетнего юноши.

Одесса очаровала Луи-Виктора. Он видел красавческие портовые города Франция, Германия, Австрия, Португалия, Италия, Австро-Венгрия, но здесь, в городе у Черного моря, в каждой черноте, каждом штрихе которого прослеживалась винчестер, создательная энергия, где проявлялся ума, таланта, деловых способностей не только не преследовалась, но и всячески поощрялась, он сумел раскрыть свои лучшие человеческие качества. Возможно, из сотен описаний Одессы того периода, никто не оставил такие яркие образцы легкости, остроумия и жизнелюбия первого поколения одесских, как это сделал уже на закате своих дней старый генерал Рошешуар в блестящих мемуарах¹, оконченных им в 1837 г., т. е. почти за год до своей кончины. Было эти годы, с 1805 по 1812, когда Рошешуар служил адъютантом при герцоге Ришелье, он считал лучшими в своей жизни.

Под непосредственным наблюдением и руководством герцога Ришелье его адъютант приступил к самообразованию. «Город Одесса, — писал в своих воспоминаниях Рошешуар, — предоставил мне необходимые книги, и в свободные минуты я изучал литературу французскую, английскую, итальянскую и русскую; я говорил бегло на этих различных языках; я изучал античную и новую историю».

Целый юношеский взгляд выхватывал из жизни нового для него края все детали и подробности, прелест которых и состоит, пожалуй, в их кажущейся нематериальности. То ли это касается,

лось, в примеру, переселення князя Ришешуара в женскую скамью по желанию дам из свиты любовницы императора Англии Нарышкиной, возглавивших вместе с ним осмотреть парк татарского музея в Бахчисарае, то ли это были приводимые им подробности тех анекдотических историй, которые постоянно сопровождали Ришелье, виду его важности и рассеянности в бытовых вопросах. Десятки этих и других деталей вместе воссоздают подлинную картину жизни Одессы и края, едва вступивших на путь в свою величие южнієї Європы».

Еще пребывая в Одессе, Ришешуар получил должность адъютанта императора, соответственно, не без ходатайства Ришелье. С началом Отечественной войны 1812 г. он обновил испанедельно виниться ко двору Александра I. В этот момент в Одессе началась чума, и герцог Ришелье, покинувший Лун-Виктора как сына, произнес последние прощальные слова: «Вспоминайте иногда о том, кого вы оставляете здесь...». Более в Одессе Ришешуар не было суждено побывать.

Он прошел всю войну. Отличился в боях, заслужил затем славу и почести при дворе Людовика XVIII на французской службе. Но, уже после смерти герцога Ришелье в 1823 г. был исходяженно отправлен в отставку поста коменданта Парижа. Жил в своем имении, не беспокоил, выполнняя время от времени кое-какие правительственные поручения. И если бы не его мемуары, исполненные искрометным остроумием и юношеским задором, вряд ли кто-нибудь смог бы догадаться, глядя на спокойного, рассудительного старика, какая бурная и неординарная жизнь прошла у этого удивительного человека.

Приводимые ниже письма Стемпковского Ришешуару публикуются впервые и являются лишь небольшой частью обширной переписки двух друзей, хранящейся ныне в Национальном Архиве Франции, в Париже (Фонд 431/АР/3 Papiers Rochedouart. Lettres d'Odessa et de Stempkowski). Переписка велась на французском языке, но ни в оригинале, ни в переводе в научный оборот не вводилась. Во французском тексте сохранена орфография источника. Мотивацией для публикации данных писем было, прежде всего, наше стремление донести до широкого круга читателей само колоритное этого любопытного энциклопедического исследования, с одной стороны, а с другой, иллюстративно показать одну из нитей, связывавших в XIX веке Одессу и Францию.

Письма И. А. Стемпковского графу Ришешуару

1

Odessa, ce 30 Novembre/12 Decembre 1819

Je ne vous n'point écrit, mon cher Comte, aussitot après mon arrivée à Odessa, parce que je n'y suis arrivé que très peu de temps, et que j'ai été passer une dizaine de jours à la campagne de mon oncle. Là, profitant du calme de la solitude, j'ai écrit une longue lettre au Duc, qui, comme je suppose, est déjà de retour à Paris, et qui ne vous aura pas sans doute laisse ignorer les différents détails que je lui ai données sur mon voyage et sur Odessa. De retour en ville, je prends la plume pour me rappeler directement à votre bon souvenir et vous renouveler, mon cher Comte, l'assurance de l'inalterabilité des sentiments que vous m'avez inspirés.

J'ai revu la patrie avec plaisir, comme cela devait être, mais la vue d'Odessa n'a pu m'inspirer que de la tristesse, malgré ses énormes accroissements et prodigieux embellissements. Vous concevez ce sentiment, dont d'abord je ne pouvais pas me rendre compte, dès que vous vous serez un moment mis dans ma position.

Toutes vos anciennes connaissances m'ont demandé de vos nouvelles, les unes avec un intérêt véritable, les autres, comme cela arrive toujours, avec un intérêt un peu refroidi par le temps. C'est bien dans des circonstances sensibles qu'on peut justement reconnaître et classer les humures. J'ai remis toutes vos lettres; vous y aurez déjà eu des réponses. Je ne puis vous dire rien relativement au basque: je n'en ai pas encore entendu parler. D'autres tems, d'autres soins! Mon absence au reste peut être cause de ce que je ne suis pas encore très au courant de ce qui se passe à Odessa.

Une nouvelle qui occupe beaucoup les esprits dans ce moment-ci est le mariage du Cte de Langens avec Mlle Brimmer, qui paraît être irrévocablement arrêté, et devoir s'ac complir à la fin de Décembre. On dit que l'Empereur vient de donner son consentement à cette union, qui va faire beaucoup d'envieux et surtout

безсуп'янческих. Le Comte a aussi recu la permission d'aller a Petersbourg; mais pas avant que la
petite soit terminée en Bessarabie.

Уверяю, мой честный Comte, что вы [уже] получили мои письма из Венеции, и что я нашел [там] все приятные
новости. Я их жду с самой большой нетерпимостью, surtout par rapport à l'affaire, qui intéressera tant tous vos
друзей. Аграйте мне письмо в Париж для вашего prompt et heureux succès. Je finis ma lettre, me réservant le
plaisir de causer plus au long avec vous lorsque я буду лучше владеть, et que j'aurai mieux vu le pays.

Je vous embrasse de tout mon cœur et suis à la vie et à la mort votre très dévouée et très attachée
Semyonovskiy

Одесса, 30 ноября/12 декабря 1819

Я вновь написал вам сразу, мой дорогой граф, после своего приезда в Одессу, поскольку оставалась
один день и я не могли дождаться письма из Парижа, написал длинное письмо дядю, который, как предполагают, уже вернулся в Париж, и который, без сомнения, не скроет от вас различные подробности, какие в сообщении ему о
моем путешествии и об Одессе. Вернувшись в город, я взял перо, чтобы самому напомнить
вам о том, чтобы завтра вернуть вас, дорогой граф, в неизменности чувств, которые питают к вам.

Вернулся я из родину с удовольствием, как и должно быть, но вид Одессы вызвал у меня
немногую грусть, несмотря на то, что она значительно выросла и чрезвычайно покорощена. Вы поймете это чувство, которое я вначале не осознавал, если окажетесь в моем положении.

Все мои старые знакомые спрашивают меня о ваших новостях, один с истинным интересом, другие же, как это бывает всегда, с любопытством, но несколько оскверненным временем. Именно в подобных обстоятельствах и можно доподлинно узнать и оценить людей. Передал все ваши
важные письма: наверное, вы уже получили ответы на них. Ничего не могу сказать вам относительно
Богдана: я еще не слышал о нем. Иные времена, иные хлопоты! Впрочем, мое отсутствие может
служить причиной того, что я еще не вполне в курсе происходящего в Одессе.

Новость, занимавшая многие умы в данный момент — это женитьба графа Ланжерона на
императрице Елизавете Браницкой, которая,казалось, была бесповоротно отложена и должна была состояться
в конце декабря. Говорят, император недавно дал свое согласие на этот союз, который
приносит множество завистников и особенно много завистниц. Граф получил также разрешение
остаться в Петербурге, но не ранее, чем закончится чума в Бессарабии.

Надеюсь, мой милый граф, что вы [получили] мои письма из Вены, и что в скоро буду иметь
также благоприятные новости. Жду их с огромным нетерпением, особенно относительно дела,
толь интересующего всех ваших истинных друзей. Примите мои пожелания скорого и счастливого
его разрешения. Заканчиваю свое письмо, оставаясь за собой удовольствие побеседовать
сами подольше, когда лучше устроюсь и осмотрю застенный край. От всего сердца обнимаю вас
и остаюсь преданным на всегда.

Ваше
Семёновский

1

Odessa, le 18/30 septembre 1823

Je suis bien coupable, mon cher Comte, et vous devrez me faire l'accusation de négligence et de paresse
pour avoir été si longtemps sans vous écrire. Je vous jure que j'ai eu plusieurs fois la plume en main pour
commencer ma lettre, mais divers empêchements m'ont toujours fait suspendre mon écrit, et c'est tantôt
une indisposition, tantôt des tracasseries, auxquelles j'ai été souvent en proie ces derniers jours, qui m'ont fait reporter
de deux mois la réponse à l'aimable lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire le 19 Juin. J'en suis
très désolé et je vous assure que j'ai été très sensible à votre bon souvenir, ainsi qu'à celui de Madame la comtesse de
Bodenbach. Veuillez lui en exprimer ma plus profonde reconnaissance, et agréez la vôtre même, mon cher
Comte, avec l'assurance que je n'oublierai jamais la bonté dont j'ai été combati chez vous. Les désagréments
que nous avons éprouvés en dernier lieu m'ont fait un sensible chagrin, mais lorsque j'ai vu votre resignation,

connaissant d'ailleurs le fond de votre caractère, je me suis dit: tout est pour le mieux. D'ailleurs, le bonheur dont vous jouissez dans votre intérieur, doit vous consoler de bien des disgrâces de ce qu'on appelle dans le monde fortune. Je vous fais mes sincères compliments sur l'augmentation de votre famille, et j'espère que la gentillesse de votre père a fait revenir Madame de Rochechouart de la prévention, dont devait être entourée la naissance de cette chère enfant. Le Vicomte de Limoges viendra à son tour et j'espère qu'en moins d'un an nous fêterons son entrée dans le monde. Que vous dirai-je de moi, mon cher Comte? Je passe ma vie dans une alternative d'ennui et de tristesse, comme dit Werther, et voilà!

Odessa ne m'offre que de souvenirs, pour la plupart du temps pénibles: mais où serai-je mieux en Russie? J'ai pris ces derniers des bains de mer qui m'ont beaucoup fortifiée, et je compte maintenant aller voir mon père à Saratov. Je reviendrais ensuite ici pour m'occuper un peu de nos affaires: je compte construire une petite maison, et j'ai déjà une place du côté de la maison de Blawenberg, où j'ai assez de terrain pour faire un jardin qui doit entourer mon ermitage. Il faut avoir un manoir sur cette terre, sans quoi on est toujours en l'air. Maiffredy est depuis longtemps à Caffa, d'où je pense qu'il vous a déjà écrit: il s'y ennuie beaucoup, car il a laissé ses livres, flacons et poisons à Odessa, où il compte revenir en Octobre pour les prendre. Rachmanoff est venu passer quelques jours à Odessa, et nous avons bien souvent parlé de vous; lui et Mme R. m'ont chargé de les rappeler à votre souvenir. Il est maintenant sénateur au 8e Dept. à Moscou. C'est assurément un grand bonheur pour ces contrees ci que d'avoir obtenu le Cte Woronzoff pour Gouverneur: il est dans ces pays-ci depuis la fin de Juillet, mais nous ne le voyons presque pas, car il ne fait que mourir; il repart de nouveau pour [...] devant de l'Empereur en Bessarabie, d'où S. M. viend[ra] à Toulczin et à Woznessensk, et non à Odessa. Le Cte Woronzoff vient de me louer la maison de Yoursouff pour 3 ans: c'est une bien bonne affaire pour moi. Le Cte de Langeron nous a dit des merveilles de la belle copie du portrait de Lawrence que vous destinez pour Odessa: nous l'attendons avec impatience, car il nous a dit que vous l'aviez déjà expédié à Labord de son tems. D'après cela il y a longtemps que nous aurions dû l'avoir et je ne sais ce qu'il peut être devenu. Veuillez, mon cher comte, prendre quelques informations à ce sujet.

Le Cte de Langeron passe l'hiver à Odessa: il conserve tous ses traitemens, mais n'a aucune destination. Il va probablement voir l'Empereur à Toulczin. Je finis, mon cher Comte, en vous priant d'offrir mes respectueux hommages à Mme de Rochechouart, de me conserver votre bon souvenir et de croire à mon bien sincère et inaltérable attachement.

Stempkowsky

Veuillez dire mille choses aimables de ma part à MM. de Tannay, Montigny et Laurent. J'ai écrit à ce dernier par un certain M. Thouroude, Nég. d'Odessa. A-t-il reçu ma lettre?

Одессы, 18/30 сентября 1823

Я очень виню вас, мой дорогой граф, и вы вправе обвинять меня в небрежности и лени за то, что я так давно не писал вам. Клянусь, что несколько раз держал перо в руке, чтобы напечатать письмо, но различные препятствия всякий раз вынуждали меня его отложить: то недорожье, то неприятности, жертвой которых я часто бывал пынче летом, послужили причиной того, что почти на два месяца задержался с ответом на ваше любезное письмо, которое вы были так добры напечатать мне 19 июня. Не могу передать, насколько я был тронут вашим теплым воспоминанием, равно как и приветом от госпожи графини Рошешуар: соблаговолите выразить ей мою глубокую признательность, и примите ее сами, мой дорогой граф, с замерцем, что я никогда не забуду той доброты, которой был окружён у вас. Неприятности, которые вы претерпели, весьма оторвали меня, но когда узнал о вашей отставке, ведом к тому же сущности вашего характера, я сказал себе: все к лучшему. К тому же счастье, которым вы наслаждаетесь в семейном кругу, должно утешить вас виду превратностей фортуны, как это называется в свете. Принесу вам свои искренние поздравления по поводу пополнения вашего семейства и надеюсь, что миловидность вашей малышки побудит госпожу Рошешуар отказатьсь от предупредительности, которая должна была сопровождать рождение этого милого мальчика. Настанет через некоторое время и я, надеюсь, не пройдет и года, как мы отпразднуем его появление на свет.

Что вам сказать о себе, дорогой граф? Привожу жизнь, выбирая между скучной и грустной, как говорил Вертер, а вуали!

Однако вызывает у меня одни лишь воспоминания, чисто пустые: но где же в России же будет лучше? Нынешним летом я принимал морские ванны, нынешними можно укрепление, а сейчас собираюсь покинуть починить своего отца в Саратов. Затем вернуться сюда, чтобы окончательно замерзнуть построить маленький домик, и у меня уже есть место рядом с домом Биберахберга, где достаточно земли, чтобы развести сад, которым будет окружена моя земля. Но этой земле нужно иметь дом, иначе всегда будешь висеть в воздухе. Мейффред уже давно в Одессе, спуска, позагаю, он уже написал вам: он очень скучает, поскольку оставил все свои дела, пушкины и ямы в Одессе, куда он надеется вернуться в октябре, чтобы забрать их.

Рахманов приехал провести в Одессе несколько дней, и мы очень часто говорили о вас; он и госпожа Радынова поручили мне передать вам от них привет. Он сейчас сенатор в 8-м департаменте в Москве. Конечно же, большое счастье для этих красавиц получить в губернаторы графа Воронова: он в этих местах с конца июля, но мы его почти не видим, поскольку он все время разъезжает; он опять уезжают, чтобы [предстать] перед императором в Бессарабии, откуда отправится в Тульчин и Болградск, а не в Одессу. Граф Воронцов недавно привез из у меня на Западном в Гурзуфе: для меня это весьма выгодное дело. Граф Ланкнер рассказал нам чудеса о прекрасной копии портрета Лоуренса, которую вы предназначили для Одессы: мы ожидали ее с нетерпением, ибо он сказал нам, что вы, не мешкая, уже послали ее Лабану. Судя по всему, мы должны были бы уже давно получить ее, и я не знаю, что могло случиться. Соблаговолите, мой дорогой граф, известить спрашиваю по этому поподробнее.

Граф Ланкнер проводит зиму в Одессе: он сохранил все свое содержание, но не имеет никакого назначения. Возможно, он поедет позидать императора в Тульчин. Я заканчиваю, дорогой граф, искренне прошу вас засвидетельствовать мое глубочайшее почтение господе Родзюку, сохранить обо мне добрую память и верить в мою самую искреннюю и искреннюю привязанность

Семенковский.

Соблаговолите передать от меня тысячу любезностей господам Танко, Монтини и Лорану. Последнему я написал через известного г-на Турула, одесского купца. Получила ли он мое письмо?

3

Odessa, le 12/24 Juillet 1825

Mon cher Comte, c'est avec plaisir que je ne saurais vous déplaire que j'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'amitié de m'écrire par M. Armanion, et je ne puis assez vous remercier de «tre aimable souvenir»: il doit paraître en effet bien coupable à vos yeux pour avoir été si longtemps sans vous écrire: mais j'ai su que vous aviez été en Espagne. J'ai bien du supposer que depuis qq temps vous étiez de retour; mais comme personne de ceux qui m'écrivent de temps en temps, ne m'a point parlé de votre arrivée à Paris, j'ignorais si vous habitez la Province ou Capitale, et je ne savais où vous étiez. Je vous suis d'autant plus reconnaissant qu'en malgré les apparences de négligence vous m'avez conservé ces sentiments auxquels j'attache un si grand prix. Je ne suis pas mort comme vous le voyez; mais pendant mon dernier voyage à Saratoff, dans l'hiver de 1823 à 1824, j'ai fait une nouvelle maladie, qui m'avait mis bien près du terme fatal; j'en ai largui pendant presque un an, et quoique le climat tempéré d'Odessa m'ait un peu remis depuis qq temps, je ne suis point toutefois parfaitement content de ma santé: ce qui fait que je cherche avant que je puisse arranger ici nos affaires de manière à pouvoir encore, avant de mourir, revoir mes amis d'Orient, et cela le plutôt qu'il me sera possible. Je désirerois vous retrouver, mon cher Comte, vous retrouver aussi heureux et content de votre bonheur intérieur: cela console de bien de prétendues disgraces de ce monde, qui, considérées sous leur véritable point de vue, sont quelquefois des faveurs du ciel. Connaissez la personne à laquelle est attachée votre existence, apprenant que vous étiez père de deux enfants charmants, je ne puis douter que votre bonheur domestique ne soit préférable à toutes les grandeurs qui beroent les hommes sans jamais les rendre heureux.

Que vous dirai-je de moi, mon cher Comte? J'ai quitté tout à fait le service, et je me suis fait, en attendant, bourgeois d'Odessa, c'est à dire, que j'y ai bâti une maison, entre cour et jardin, presqu'en face de Blarenberg, vers la fortresse: on y jouit d'un meilleur air qu'en ville, et on n'y est pas étouffé par la poussière. J'espere que ma maison sera habitable vers le mois de Septembre. Je n'ai jamais eu l'intention de vendre le tutor; je pense, au contraire, le donner à la ville pour qqe établissement de bienfaisance, ne voulant pas qu'après moi une creation du Duc de Richelieu tombe entre des mains d'hommes, qui peut-être ne sauraient point apprécier ses vertus. Mais je n'ai pas pu faire autrement, que de me défaire de Yoursouff qui ne pouvait que me devenir onéreux, au lieu que vendu au Cte Wernstorff, mon existence s'en trouve considérablement améliorée. Maffroy est à Odessa depuis 2 mois; mais il a eu le malheur d'attraper une fièvre violente, et ensuite une rechute, qui l'a fortement affaibli. Ses forces ne lui permettent pas de vous écrire: mais il le fera dans qqs jours, lorsque l'air de la campagne, l'aura un peu rebâti. Il est alle aujourd'hui se mettre pour 2 mois en pension chez Mme Gogueil (Cartley). Je lui ai parlé de votre argent: il se rappelle très bien de cette dette, mais il dit qu'il faut en rembourser qqe chose pour le Tour. Il vous en parlera lui même plus en détail. Vous ne savez peut être pas que pendant son séjour à Caffa, il est devenu propriétaire d'un vignoble à Soudak, et qu'il s'est lancé dans des spéculations au vins de Crimée. Je ne sais comment il s'en tirera: c'est fort heureux pour lui qu'il n'ait mis à tout cela qu'une petite portion de son Capital. ... Wysotsky est depuis qqs jours à Odessa, ou il est venu pour toucher ce que notre bienfaiteur lui a laissé: il est capitaine aux gardes, et marié depuis un an, avec une petite polonoise de Warsawie. [...] Le grand Duc Constantin est très bien pour lui, et l'Empereur, dans son dernier voyage à Warsawie a tenu son fils sur les fonds de baptême, Castillo, nommé chargé d'affaires d'Espagne à Cople est depuis 3 mois dans cette ville avec toute sa famille. Il s'y plaint beaucoup, et trouve que le climat convient fort à sa santé. Mon oncle est depuis peu de retour de Petersbourg, et s'est de nouveau fixé à Tchotkivka. Vous avez du apprendre qu'il a marié Claudine au Mis Paulucci, Gour. Gal de Riga. Ils sont maintenant à Modane, où ils ont été voir la veille Mise Paulucci. Je pense que ces nouvelles que je vous donne de vos anciens amis d'Odessa, vous feront plaisir.

Je suis fâche de n'avoir pas pu être aussi utile à M. Amanton que je l'aurais désiré: depuis son arrivée j'ai été malade pendant qqs jours, et ensuite j'ai fait un voyage à Nicolskoff pour y voir un cousin. J'ai donc très peu vu M. Amanton, et je suis bien fâche de ce contretemps. Au reste il me paraît être assez content de son voyage: tant mieux — cela l'engagera à revenir.

Veuillez, mon cher Comte, présenter mes respectueux hommages à Madame la Comtesse de Rochechouart, et lui exprimer combien je suis sensible qu'elle daigne me conserver une petite place dans son souvenir. Ne m'oubliez point auprès de nos anciens amis, MM. de Rastignac, Casteau, Datilly, de la Neuville, Laurent, Montigny. Souyez à l'éternel et inviolable attachement

de votre tout dévoué serviteur

J. Stempkowsky

Nous montrons avance toujours peu à peu: on nous apportera bientôt le granit du Boug pour le pedestal. Nous attendons toujours les souscriptions que vous nous avez promises.

Odessa, 12/24 juillet 1825

Мой дорогой граф, не могу написать вам, с каким удовольствием получив письмо, которое вы любезно написали и передали мне через Г-на Амантон, и я не знаю, как благодарить вас за то, что вы помните меня. Должно быть, и в самом деле пишет я в ваших глазах, что так долго не писал: но я знал, что вы были в Испании. Конечно же, я должен был предположить, что вы уже вернулись; но поскольку никто из тех, кто мне иногда пишет, ничего не сообщали мне о вашем приезде в Париж, то не знал, где вы живете: в провинции или столице, и куда нам писать. Тем более вам признателен, что, несмотря на мою кажущуюся небрежность, вы сохранили похождению ко мне эти чувства, которых я придал столь большое значение. Как видите, я так и не умер; не во время последнего путешествия в Саратов зимой 1823-1824 гг., переболел новой болезнью, которая подвела меня к роковой черте; почти целый год я находился от нее, и хотя с какого-то времени умеренный климат Одессы немножко поправил мое здоровье, я все еще не вполне довolen им, что побуждает меня стараться по возможности устроить здесь наши дела.

те, чтобы еще раз, перед смертью, снова увидеть моих друзей на Западе, и по возможности доставить своей судьбой. Г-н Амантон сказал мне, что вы в превосходном здравии и наслаждаетесь всеми радостями и счастьем в домашнем кругу: это утешает в прегранных невзгодах этой жизни, которые, будучи рассмотренными в их истинном свете, иногда кажутся собой минувшие времена, которые тешат людей, никогда не слыхавших о счастье. Что сказать вам о себе, мой дорогой граф? Я совсем покинул службу и сделался пока одесским гражданином, то есть я myself построил дом, между двором и садом, почти напротив Бларемберга, по направлению к крепости: здесь наслаждаешься лучшим, чем в городе, воздухом и не задыхаешься от пыли. Надеюсь, что мой дом будет пригодным для жилья к сентябрю. Я никогда не имел измерения этого здания, но желаю, чтобы после меня творение герцога Ришелье попало в руки людей, которые, возможно, не смогут оценить его по достоинству. Но я не мог сделать иначе, как отдать его Гурзуфу, который не мог не стать для меня обременительным, в то время как, пропав от гриппа Вероникову, значительно улучшил свое существование. Мейффран в Одессе уже 2 месяца; но он имел несчастье подхватить сильную горячку, а затем рецидив, что сильно его изнанка. Силы не позволяют ему написать вам: но он сделает это через несколько дней, когда драматический воздух немножко поправит его здоровье. Он сегодня поехал определяться на 2 месяца в пасквиль надежды Гогель (Кэттли). Я говорил ему о ваших деньгах: он прекрасно помнит об этом долгте, но говорит, что следует выпустить из него что-нибудь для оборота. Он сам поговорил об этом с вами более обстоятельно. Возможно, вы не знаете, что во время его пребывания в Каiffe он стал владельцем виноградников в Судаке и пустился в спекуляцию аннами в Крыму. Не знаю, как он из этого выпутается: к счастью для него, он вложил во все это дело лишь небольшую часть своего капитала. Высотский несколько дней в Одессе, куда он приехал, чтобы изучить то, что наш благодетель оставил ему: он капитан гвардии и год назад женился на молоденькой девочке из Варшавы. Великий князь Константин очень добр к нему, а император во время своего последнего путешествия в Варшаву держал его сына над купелью. Кастильо, который изменили поверенным в делах Испании в столице, уже 3 месяца в этом городе со всей своей семьей. Ему там очень нравится, и он находит, что климат весьма подходит его здоровью. Май дядя недавно вернулся из Петербурга и ныне поселился в Троицком. Вы, должно быть, знаете, что он выдал Клаудию замуж за маркиза Паллуччи, генерал-губернатора Риги. Они сейчас в Мадриде, куда поехали поиздеваться старую маркизу Паллуччи. Я думаю, что вам доставят удовольствие эти новости о ваших прежних одесских друзьях, которые сообщают вам.

Мне досадно, что не смог быть столь полезен г-ну Амантону, как хотелось бы; с момента его брака в несколько дней болел, а затем совершил поездку в Николаев известить своего кузена. Таким образом, я очень мало видел г-на Амантону, и мне досадна эта помеха. В остальном он показал мне весьма удовлетворенным своим вожжем: что хорошо — сие склоняет его вернуться.

Соблагородите, дорогой граф, засвидетельствовать мое почтение господину графику Рошешуру и передать ей, насколько я тронут тем, что она удостаивает меня счастья, сокровища для меня чистейший уголок в своих воспоминаниях. Не забывайте же обо мне, находясь рядом с вашими старыми друзьями, господами Растильяком, Кастьельно, Даттие, де ла Невиль, Лоран, Монтилье. Верьте в мою постоянную и неизменную привязанность
и целиком преданного вам спутнику,

И. Стремковского.
Наш памятник постепенно, понемногу продвигается; вскоре нам привезут с Буга гранит для пьедестала. Мы по-прежнему идем впереди, которую вы нам обещали.

4

Odessa, le 7/19 Juin, 1827

Il y a bien longtemps, mon cher Comte, que je n'ai point recu de vos nouvelles. Ma dernière lettre vous a été envoyée au mois d'Octobre, au moment de mon départ pour Saratow; j'ignore si elle vous est parvenue. Depuis, mon voyage, et la maladie que j'ai faite à Saratow, et qui m'a tenu pendant tout l'hiver, m'empêche de vous écrire. Ce n'est que depuis mon retour dans ces contrées plus tempérées que je commence à me sentir mieux, et à reprendre mes forces. Je profite aujourd'hui du départ de M. le Chevalier Gamba pour recommencer une correspondance, à laquelle j'attachais toujours un très grand prix, et pour vous prier en grâce de me donner de vos nouvelles, ainsi que de celles de Madame et de Mademoiselle de Rocheschouart. Habitue à vivre dans votre intimité, je désirerais bien connaître les détails de votre existence actuelle, de votre manière de passer le temps, &c. Quant à moi je n'ai été jusqu'à présent qu'un chevalier errant; mais désormais je compte me fixer et je choisis notre chère Odessa pour ma résidence habituelle: je trouve que nulle part en Russie on ne saurait être plus agréablement. Je fais construire maintenant une petite habitation, vers l'endroit où vous nous rappelerez qu'était située la maison de Blaramberg; c'est devenu un quartier assez peuplé, et très agréable, en ce qu'il y a bien moins de poussière et plus de fraîcheur qu'en ville. J'ai un terrain assez vaste et ma maison sera au milieu d'un jardin, en face de la belle rue grecque qui conduit à la cathédrale. Vous connaissez la ville, mon cher Comte, et ces détails ne vous paraîtront pas superficiels. J'attends maintenant, avec bien de l'impatience, l'arrivée de Maiffredy, qui depuis dix mois gère son consulat à Caffa, mais qui doit venir ici prendre ses flacons et cornues pour les emporter à Caffa. M. Gamba a passé par cette ville, et a logé chez notre charmant garçon rempli de moyens: il pourra vous donner des détails de son mariage, de sa grosse cuisinière allemande, &c &c.

M. Gamba vous parlera de notre monument: je lui ai montré la place où il doit être élevé, et je lui ai communiqué tous les détails qui concernent cette entreprise. J'ai vu, chez le Cte Woronizow, le beau portrait que vous avez envoyé à la ville, et je l'ai trouvé vraiment beau, et très ressemblant, aux couleurs du visage pres. Nous attendons maintenant les gravures que M. de de Montcalm nous a promises.

Je finis, mon cher Comte, en vous priant d'offrir mes bien respectueux hommages à Madame la Comtesse de Rocheschouart, et de croire à mon inalterable et sincère attachement pour la vie.

J. Stempkowsky

Veuillez me rappeler au souvenir de MM. Lauret, Tamnay et Montigny.

Одеса, 7/19 июня 1827

Уже давно, мой дорогой граф, не получал от вас никаких новостей. Последнее мое письмо было послано вам в сентябре, в момент моего отъезда в Саратов: не знаю, дошло ли оно до вас. После этого мое путешествие и болезнь, которую я перенес в Саратове и которая продолжалась всю зиму, помешали мне написать вам. Лишь только вернувшись в эти более умеренные края, начинаю чувствовать себя лучше и силы мои восстанавливаются. Я попытаюсь сегодняшним отъездом г-на кавалера Гамбы для того, чтобы возобновить эту переписку, которую я всегда очень ценил, а также просить вас о любезности сообщить мне ваши новости, равно как и новости матери и мадемуазель Ришешуар. Принимая жить в вашем узком кругу, я желал бы знать все детали вашей теперешней жизни, как вы проводите время и т. п. Что до меня, то я до сих пор был лишь странствующим рыцарем; но отныне рассчитываю получить постоянное пристанище и для того выбирю нану милую Одессу: я нахожу, что ни одно другое место в России не может быть более приятным. Сейчас я распорядился построить небольшое жилище у того места, где, как вы помните, располагался дом Бларамберга: этот квартал стал довольно населенным и весьма приятным, там гораздо меньше пыли и более свежести, чем в городе. У меня довольно просторный участок земли, и мой дом будет располагаться посередине сада, напротив красной греческой улицы, ведущей к собору. Вы знаете город, мой дорогой граф, и эти подробности не покажутся вам новыми. Сейчас я с нетерпением ожидаю прибытия Майффреди, который уже посыпал месивом управляет консультативом в Калле, но должен приехать сюда, чтобы забрать свои

кумыки и реторты и перевести их в Каффу. Г-н Гамба простоял через этот город и останавливался у нашего славного малого, живущего в полном достатке; он сможет передать вам мелкие подробности его домашней обстановки, поведать о столь толстой немце-кухарке, и т. д. и т. п.

Г-н Гамба вам расскажет о нашем памятнике; я показал ему место, где он должен быть сооружен и сообщил ему все детали касательно этого предприятия. Я видел у графа Воронцова прекрасный портрет, который вы послали городу, и нахожу, что он действительно хороши и очень похож, за исключением цвета лица. Мы ждем сейчас гравюры, которые нам обещала госпожа Монкальм.

Я заканчиваю, мой дорогой граф, умоляю засвидетельствовать мое самое глубокое почтение господину графине Решешуар и принять мои заверения в неизменной и искренней привязанности до конца моих дней.

И. Стемпковский.

Соблаговолите напомнить обо мне господам Лорану, Тамиз и Монтанье.

¹ Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, par le Général comte de Rochedeouart, aide de camp du duc Richelieu, aide de camp de l'empereur Alexandre Ier, commandant la place de Paris sous Louis XVIII. – Р., 1892.

² По всей видимости, речь идет о бюсте герцога Ришелье, предназначенному для открытия в 1817 г. днаря в Одессе, получившего название Ришельевского.

³ Речь идет о третьей по счету женитьбе одесского градоначальника графа А. Ф. Ланжерона (1763–1811) на Юлии Бриймер. Кстати, именно она, выполнив предсмертную волю Ланжерона, отправила его бумаги и документы в Парижский архив. Пикантность ситуации заключалась в том, что Юлия, дочь князя Бриймера, проживавшего в Одессе, была почти на сорок лет младше Александра Федоровича.

⁴ Младший наследственный титул рода Решешуар, т. е. намек на возможное рождение после дочери наследника родовой фамилии.

⁵ Йоахим Павлович Бларемберг (Johann von Blaramberg) (1771–1831). Поселился в Одессе в 1806 г. и числился одним из первых землевладельцев археологических изысканий в Северном Причерноморье, став в 1811 г. первым директором Одесского публичного музея истории и древностей. Его дом находился на Канатной улице № 2, поэтому участок, приобретенный Стемпковским, четко показан на карте.

⁶ Жозеф-Филипп Мейффреди род. в 1793 г. в Марселе. В 1825 г. исполнил обязанности французского консула в Одессе, а затем в Каiffe. Стемпковский завещал именно ему свою знаменитую коллекцию книг, которую Мейффреди продал в Эрмитаж за весьма значительную сумму.

⁷ Кодекс об уплате земли с должности графа Ланжерона и назначении М. С. Воронцова Новороссийским генерал-губернатором был подписан Александром I еще 5 мая 1823 г.

⁸ Дюкский сад, подаренный Одессе Стемпковским.

⁹ Стемпковский являлся председателем комиссии по возведению памятника герцогу Ришелье (памятник открыт 22 апреля 1828 г.), сооружавшегося на деньги одесситов и другой помощи (предоставленной подписью).

¹⁰ Жак-Франсуа Гамба (1763–1833) – известный французский путешественник, автор книги «Voyage dans la Russie Méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824» в. – Vol. 1–2. – Р., 1826. В 20-х гг. Гамба являлся консулом Франции в Тифлисе.

¹¹ Агриколина де Монкальм, урожд. Ришелье (1777–1832) – сестра герцога Ришелье.